

Александр МУЛЕНКО

ПРАВДА С НЕБА

Производственные рассказы

Рассказ 1. БОРЩ

«Душа исцеляется рядом с детьми».

Ф.М. Достоевский

Спасательная контора «Сова» выживала в пустующем Доме быта — на верхнем этаже. Когда случались большие дожди или таял на крыше снег, в её помещениях стояла вода. Для сбора капли и там, и тут на полу находились ржавые тазики, вёдра, большие пластиковые бутылки с отрезанными верхами, иные водоприёмники. Словно заслоны, в лужах чернели мокрые тряпки.

Ещё недавно здесь находилась главная служба гражданской обороны. Но она переместилась в городскую управу, где было сухо. Старые наглядные пособия по защите горожан от всякой напасти в беспорядке громоздились стопками на полу, забытые навсегда. Пахло бумажной гнильстью, разрухой.

Самая большая комната в этом жалком месте была одновременно и кухней, и механической мастерской, и местом для отдыха дежурных. В этом зале сушили, подвесив, постиранные вещи или водолазное снаряжение, разложив его на полу. На многочисленных полочках, прибитых до стенок, лежали слесарные причиндалы: молоточки, напильники, лекала, метчики, пассатижи, зубила, гаечные ключи. В отдельной жестянке хранились гвозди, болты и гайки. Имелся электротельфер.

Помимо спасения попавших в беду людей, «Сова» занималась посильными ремонтами электроприборов и выполняла высотные работы с верёвок.

В кладовке хранилась посуда. Старая алюминиевая кастрюля, у которой вместо давно потерянных ручек были проушины, сделанные зубилом, находилась на верхней полке. Чтобы её достать, Машенька встала на стульчик и потянулась, однако не удержала кастрюлю в руках, и посуда, в которой лежали ложки, трезвоня, словно школьный звонок, покатила по кафельному полу в сторону кабинета, где проходили вечерние занятия резервистов новой спасательной службы. Там обучалась Машина мама. Она корила дочку за всякие оплошности и ошибки. Девчонка боялась нравучений. Но сегодня никто не услышал случайного шума, поднятого кастрюлей, не появился из класса, не отругал Машеньку. Она догнала громящую посудину и быстрёхонько водрузила её на плиту. Используя ковшик, девочка набрала в кастрюлю воды и стала готовить пищу для людей, дежуривших этой ночью вместе с мамой. На улице стояла зима. Дружелюбные водолазы Розенманы Борис и Моисей уехали поднимать из реки машину, ушедшую под лёд. Братья Петровичи Толик и Федя открывали двери в квартиру, захлопнутую извне. Врачиха Ирина Сущенко вместе с мужем гримировали кого-то для похорон. Ближе к полуночи все они вшестером должны были вернуться в дежурку, чтобы покушать и отдохнуть. Девчонка про это знала и варила свекольник по-украински.

Мы проходили строение черепа человека. Отвечая на контрольный вопрос учителя, я назвал несколько костей:

— Нижняя челюсть, верхняя челюсть, переносица, темечко...

Сзади шёпотом подсказали:

— Височные кости, лобная, зубы...

— Конечно, зубы... В зубы я получал неоднократно. Чаще, чем в темечко.

— Ты, Саня, на экзамене в Оренбурге тоже будешь так себя вести? — раздражённо спросил у меня начальник нашей спасательной службы Андрей Степанов. — Твой ответ не стоит даже двойки.

Мне стало стыдно за то, что я прожил как Саня сорок с лишним лет. Но это обращение ко мне во время учёбы было всё-таки уважительнее, нежели Александр Иванович на суде, скажем, за что-нибудь дурное, позорное, подлое, сделанное напрасно.

В нашей обучаемой компании находился один практикующий невролог. Звали его Сергеем. Он работал в тюремной больнице.

— Андрей Николаевич, мы с тобою учились много лет, — сказал Сергей. — В каждом классе нашего медицинского института висели наглядные плакаты по анатомии человека. Одни скелеты чего-то стояли: увидел, потрогал, запомнил каждую косточку, все суставы. Мышцы мы видели в морге, держали скальпель. Но что можно запомнить, не листая книжек, по вечерам за четыре месяца обучения? Это — очень короткий срок. Ты к Сане несправедлив.

— Правда, — согласился Андрей. — Только в Оренбурге про это не расскажешь. Я в прошлом году трижды привозил на пересдачу своих первых лучших учеников. Всякий раз их валили безбожно, хотя ты, Серёжа, знаешь, что Розенманы и Суценки подковыны в медицине лучше, чем Саня.

Я тоже об этом знал...

Кто-то пришёл в нашу спасательную контору по зову сердца. Розенманы потеряли морскую службу после оптимизации флота. Серёга искал подработку на стороне. Другие учащиеся, их было до двадцати, желали новые корочки для иного трудоустройства в случае сокращения штатов по основному месту работы. Я был из них. Машенька, мама её Эльвира переехали в Россию из Харькова. Поначалу Эльвира была пилотом в нашем лёгком спортивном клубе, но его частично прикрыли, и одинокая безмужняя женщина сегодня стирала за копейки в детском саду бельё.

Скрипнула дверь. В проёме стояла Машенька.

— Вы пойдёте на перемену? — осторожно спросила она.

— А что случилось? — поинтересовался Андрей.

— Сколько надобно почистить картошки для борща, чтобы накормить сегодня ночью восемь человек?

— Я же тебе уже говорила, — ответила мамка, — на каждого человека нужно по две картошки.

— Значит, всего шестнадцать?

— Двадцать, — решила женщина. Машенька ушла.

Наши спасатели не получали зарплаты с весны и жили в ногу с другими трудягами города, не имевшими достойных извин для собственного дела. Ещё не единожды Машенька появлялась с вопросами о варке борща. Просила подойти к ней на кухню и попробовать его на вкус.

— Мама, а что мне нужно делать при пересолке?

Мы хохотали.

— Вылить, — сердито ответила мама.

— А если этот борщ вообще не солить?

— Так будет лучше. Когда он окончательно сварится, то мы с тобою будем готовить наутро пшённую кашу без молока.

— А кастрюля с готовым борщом? Она — большая. Она мешается под руками.

— Твою кастрюлю надо отправить на верстак.

— Это на главный железный стол? — уточнила Маша.

— Да, — утвердила Эльвира.

— А как мне её туда отправить?

— Ты уже большая девчонка. Сообразишь.

Все ночные уроки подряд мы весело гадали на высокие темы ради спасения людей. Машенька, ей было восемь лет, боялась наших улыбок. Чтобы над нею всякий раз не хохотали, она переставила готовый горячий борщ на верстак без помощи взрослых. Девочка неоднократно видела, как работает электрическая таль. Однажды Федор Петрович приволок большой распределительный шкаф. На пару с Машенькой они поочередно давили на кнопки перемещений и довели набитую приборами железяку к месту ремонта.

— Ты просто умничка, — похвалил дядя Федя-наставник. — Ты, Маша, уже почти готовая крановщица. Это самое настоящее, важное женское дело. Тебе доверят ба-шеный кран.

Девчонка была счастлива. Сегодня она зацепила неподъемную кастрюлю с борщом за все четыре проушины крючками крана и уверенно доставила её на верстак. В классе не сразу сообразили, что в кухне-мастерской работает тельфер. Я первый, кто это понял.

— Эльвира, ты только послушай, неужели это наша Мария что-то передвигает?

— Ах, горе-девчонка. Это же — борщ. Она обожжётся.

Мы помчались на кухню.

- Как ты посмела взяться за кнопки? — вскрикнула мама.
- Мне дядя Федя разрешает управление краном. Он говорит, что я уже почти готовая крановщица. Я, мамочка, этот борщ специально недосолила. Пускай они его сами посолят, сколько им хочется...
- Ты, Машенька, почему не позвала к себе на помощь? — пилила мамка. — Ты же могла любого из нас позвать: и дядю Саню, и дядю Андрюшу, и дядю Серёжу. Они — сильные люди.
- Маша расплакалась.
- Я приходила к вам по несколько раз, но вы такие были важные, недоступные. Я боялась.
- Хватит её ругать, — приказал Андрей Николаевич. — Маша, не плачь. Мы станем лучше.

Рассказ 2. СВИТЕР

*«Люди были созданы для того, чтобы их любили,
а вещи были созданы для того, чтобы ими пользовались.
Мир в хаосе потому, что всё наоборот».*

Далай-лама XIV

Говорят, сжигать старые вещи — хороший обычай. А я люблю их, в них уютно. Был у меня свитер: синий, в снежинках, недорогой. Подарили на день рождения, когда я закончил учёбу в школе. Свитер был чуть-чуть великоват, однако я не стремился выглядеть стильно. Родители внушили, что главная человеческая ценность — в душе. Сегодня я понимаю лукавство близких людей, воспитавших меня аскетом. Жили мы скромно, поэтому и одежда покупалась на вырост.

Я несильно вытянулся за годы армейской службы, и тёплый подарок ещё долго сопровождал меня по жизни. Послеармейская молодость прошла в командировках. Четыре года я отработал в отделе комплектации экспедитором. В холодные дни зимы поднимал шерстяной воротник свитера на уши в ожидании транспорта на дорогах, куда забрасывала нелёгкая служба. Угла я ещё не имел, первая квартира появилась вместе с сединой. Из парадного свитера стал повседневным.

Когда я работал на стройке каменщиком, мне было холодно даже в бытовке. Во время переодевания руки и ноги покрывались гусиной кожей, знобило, и в лютые зимние дни я, не снимая свитера, накидывал на плечи бушлат. Подпоясывался и трудился до сумерек, выкладывая из кирпича особняки богатым людям, часами ползая на коленках по холодным плитам перекрытий. Рос живот, я старился, я старился и свитер. Когда у бушлата отрывались пуговицы, душа была нараспашку. Слабые шерстяные нитки свитера цеплялись за острые кромки керамического кирпича — дыра на животе обнажала рубаху. Каменными бусами на одежде висел застывший раствор. От горячего дыхания столбенел воротник, и крошилось на шее покрытое инеем ледяное кольцо. Я его мял руками, но, как солома, ломались нитки. Так мой свитер стал окончательно рабочим.

В годы приватизации подолгу не выплачивали зарплату, и совсем не от хорошей жизни я уехал в Тобольск на заработки. На дорогу моя мама обшила свитер заплатами, как фартуком, — на уровне живота, где он чаще рвался, нарастила потрёпанный воротник, и более года я бичевал на чужбине, с головой утопая в тёплой одежде в минуты короткого отдыха на объекте. И пережил разграбление России.

— У меня больше денег нет, — сурово сказал однажды работодатель, — меня тоже обманули заказчики.

Я остался безработным, но ненадолго. На Орско-Халиловском металлургическом комбинате с пятимесячной задержкой всё же ещё выплачивали какие-то копейки рабочим и кормили голодных людей на молочные талоны в обед. Зимой мы по очереди разбирали кирпичную дымовую трубу и, поджавши колени к подбородку, коротали холодные дни у костра. Жгли деревянные поддоны. Сидя на ящиках, грелись, отмахиваясь от постреливающих в небо углей да от падающего снега — бытовки у нас не было. Мы бухикали и сморкались.

Периодически бригаду снимали на ремонты мартеновских печей. «Это чтобы вы не околели от стужи», — посмеивались цеховые воротилы. И опять мой любимый свитер хранил меня — от жары. К этому времени он был сильно истрёпан.

— Не позорь участок! — оправдывая свою высокую должность, нравоучительно беседовал со мною лощёный с виду мастер и, зевая, удалялся отдыхать в служебную нору.

Я метал кирпич на транспортёрную ленту: за поддоном поддон, за тонною тонну.

Когда становилось жарко, снимал с плеч лишнюю одежду и в одной рубашке лихорадочно выполнял задание. Тяжелые суконные брюки сползали с тающего живота на бедра, я их подтягивал обратно, рубашка пропитывалась потом. В обеденный перерыв, во время короткого сна, она высыхала на горячем ветру, каменяя на спине, и рвалась от небольших усилий, обнажая лопатки.

Ходят большие начальники по объектам, поглядывают сверху на работяг и делают им замечания... Как-то один из них пожалел меня и поинтересовался: почему, мол, рубашка такая рваная, а спина моя голая, не холодно ли?

— Ась?.. Я не слышу, начальник, — ответил я.

Громыхали мостовые краны, стуча по рельсам, перекачивались по цеху тяжёлые вагонетки с металлоломом.

— Спина-то как? — заорал он блаженно. — Не покрывается ли инеем? Зима ведь на дворе.

— Жарко...

Нашёл он мастера, поднял его из логова, пожурил немного по-свойски. Тот обиделся. Когда мой заступник ушёл восвояси, мастер ощетинился и накинулся на меня.

— Ты почему жалуешься вышестоящему руководству?

— Виноват, Пётр Иванович...

— Ты не знаешь субординации...

Плюнул бы я тогда на руку себе — закипела бы слюна. Плюнул бы я в постылые глаза мастера — заволокло бы их льдом.

— Ты почему не переодеваешься в новый лепень? Не по форме одет...

Я говорил ему о времени, о вещах, что они дороги мне каждой заплатой. Что они хранители нашей истории — вещи — и рассказывают о прошлом больше, нежели иной отчуждённый поэт или прозаик. Но не понял меня мастера:

— Накажу! — и принял меры...

После смены я обнаружил, что мои любимые вещи свитер и бушлат исчезли бесследно. Я ходил по мартеновскому цеху, разыскивая их, заглядывал во все металлические ящики — мульды, которых так много здесь на каждом ремонте, протискивался между наваленными в беспорядке строительными материалами и конструкциями, спотыкался о разбросанные повсюду обломки динаса, расспрашивал окружающих: не видели ли пропажу? Седой сталевар догадался, о чём я пекусь, и успокоил:

— Не ищи.

Мою старую одежду выкинули в мульду с металлоломом и отправили в печь. В этом огне сгорела часть моей жизни, а новый лепень я вскоре без жалости выбросил сам, потому что он не грел мою душу. Бессердечные люди хотели, чтобы я его носил.

Рассказ 3. ВЕРЁВКА

Каждое утро, услышав мою возню, мамка выходила навстречу и предлагала бокал молока. Я собирался в металлургию, где от рассвета и до заката ремонтировал промышленные дымовые трубы и печи. Бытовки, чтобы погреться, мы не имели и спасались от холода под лёгким навесом, сооружённым из старых помятых листов кровельной жести. Три из них стали стенами. Они предохраняли от ветра. Четвёртый лист лежал как крыша. Но не живые человеческие души волновали моё начальство. Внутри полуоткрытой коробочки находилась электрическая лебёдка. Атмосферная слякоть была опасной для её механизмов. Мы же являлись терпеливыми, крепкими, сильными и надёжными русскими парнями-богатырями, как в советском кино способными на любую работу, в любую погоду. Рядом с навесом стояла закопчённая бочка. В ней горели дрова. Дымило. С утра мои сотоварищи кипятили горький зелёный чай, а ближе к обеду доставали из своих помятых котомок продукты, принесённые из дома, и варили из них супы. Доска, на которой они сидели, толкаясь во время приёма пищи, опиралась на слабые кирпичные столбики — шаталась. Жалкие с виду люди ели с коленок, согнувшись, виновато поглядывая в сторону конторы, стоявшей неподалёку. Остатки неиспользованной картошки хранились под лавкой в старом ведре.

Недавно мы поднимали верёвкой укусину будущего крана. Нас никто не подгонял. Монтажные работы закончились успешно, без крика, без назиданий. Верёвка стала ненужной. Она без дела валялась на верхотуре, незаметная снизу. Однако исчезла.

— Я понимаю, что это кто-то из наших нашёл дополнительную халтурку и утянул, — сказал Валерик.

Его недавно назначили на место вчерашнего бригадира, ушедшего в запой после полученной травмы. Валерик послушно радел за производство, за наш инвентарь, за материалы. Остальные — мелковатые, ведомые им человечки, мы терпеливо ожидали, что забравший верёвки кто-то себя обнаружит и предложит схалтурить вместе с ним.

Я ответил Валерику:

— Тайна нужна, чтобы не получилось раздора. Иначе мы передерёмся за лучшее послезавтра.

Но за шабашки платили сразу и много. Пропавшая верёвка была надёжной для промышленного альпинизма, входившего в моду.

- Разве это не ты главный халтурщик на комбинате?
- Нет, это не я.
- Тебя накажут.
- Твои понты, Валера, напрасны.

Сегодня наш суетливый делега сердито отметил, что картошки в его хранилище тоже почти не осталось. И снова с вопросами. И ко мне.

- Кто-то ворует...
- Не знаю...
- Крысят у нас в ночную смену... Ты почему зеваешь? Плохо спишь?
- Я тут ни при чём. Это, наверное, полтергейст или чубакабра.

Только пропажи имели место.

Если к ней прикоснуться, то дымовая труба снаружи немного тёплая от огня, гудящего внутри. Когда она не прогревается до верхушки, то в месте появления росы нарастает лёд. Он обрывается и падает, ломая железо. Мы ремонтировали смотровые площадки, разрушенные за годы эксплуатации трубы, и занимались её окраской в сигнальные для самолётов цвета — красный и белый. Первая четвёрка рабочих поднималась на трубу до обеда, вторая — после него. Низовые управляли лебёдкой, разливали краску по ведром, готовили дополнительные стяжные кольца для монтажа. Когда работы у них кончались, люди, поёживаясь, сидели на лавочке или бродили, как я, без дела по горячему прокатному цеху от печки к печке, отогреваясь от высоты, от ветра, от снега.

К вечеру в каждом ведре оставалось немного краски. Вымазывая липкие кисти о будочку, я обновил грязные стены. Наш мастер перепугался. Почти ежедневно мы задавали ему вопросы про зарплату, роптали, ругали нерадивую нынешнюю власть, вспоминали честные времена. В белизне окружающей нас зимы будочка, где стояла лебёдка, стала красной. Она светилась, как знамя вчерашней славы.

- Ты, Сашура, не митингуй. Из конторы это увидят и накажут всю бригаду.
- А что дурного, Пётр Иванович?

Так звали нашего мастера. Он ответил:

- Разве мало было тебе подлой советской власти?
- В то время мне обещали достойную жизнь.
- А, по-твоему, нынче она плохая?
- А разве она хорошая? Я же без денег...
- Скажи спасибо, что ты живой.
- Спасибо, Пётр Иванович.

— Закрась... Немедленно закрась это другую краской. И не позорь мой участок.

— Напротив, я его славлю. Я обновил заржавленные листы, подобранные тобою на свалке металлолома.

— Ну, где я тебе достану новую тёплую будку, чудак-человек? Ты же знаешь, что её сопрут, как верёвки, в первую ночь.

— Поставь охрану...

После ухода мастера я нарисовал эмблему нашей компании и написал под нею злободневное, ядовитое богохульство: «Когда не можешь воровать, тогда работай, твою мать».

За стеною сортопрокатного цеха громыхали тяжёлые краны, дрожали шаткие панельные стены, осыпалась извёстка, с нею крошился старый раствор и ржавело в ожидании «антикора» давно не крашенное железо подкрановых балок.

Дымовая труба качалась от непогоды. Сидя с подветренной стороны, мы говорили о нелюбимой работе.

— Страшно не то, что она опасная, трудная, — признался напарник. — В нашем деле отсутствует творчество. Даже простой строитель, выкладывая новый кирпичный дом, сопричастен с архитектурой. За день он устаёт, но он доволен и поутру возвращается на свой объект с творческими силами, чтобы обратно созидать что-то оригинальное, интересное: выкладывать сандрики, поребрики, арки, рустованные углы. Мы, Саня, этого лишены.

Назавтра бешеный ветер разрушил подмости. Толстые доски, вихляясь, летели с большой высоты на здания, на окружающие деревья, ломали ветки, били окна. Приземляясь на твёрдое место, они лопались пополам. Аэрационные фонари прокатного цеха были приоткрыты. Через них на крышу струилось живительное тепло. Подложив под спину две уцелевшие дощечки, я прилёг, чтобы отогреться, и быстро уснул, как сторож в ночное время, с чувством перевыполненного долга.

Проснулся от страха. На пожарной лестнице цеха стояли сотрудники ведомственной охраны. Если бы я попался к ним в лапы, то был бы избит и уволен. Они повсюду искали нарушителей дисциплины и получали за это хорошие деньги. Обратная дорога вниз была перекрыта. Как заяц, я бегло петлял за фонарями в поиске других подсобных лестниц, ведущих в цех, но охотники тоже входили в раж. По рации они позвали подмогу. Уже появились новые гончие, когда меня окликнул вкрадчивый голос. Из-под створки аэрационного фонаря выглядывал бородачатый мужчина.

— Влезай ко мне и цепляйся до верёвки.

На мне была страховочная система. Во время проведения высотных работ я с ней не расставался. Мы стремительно спустились на заброшенную площадку, где раньше находилась какая-то неважная техническая служба, утраченная в процессе сокращения штатов. Когда-то сюда приходили по металлическому маршу, но на сегодня его подрезали сваркой, и верхние помещения стали недоступными для подъёма.

— Это — моё единственное жилище, — сказал бородач. — Ты про него никому не рассказывай. Пускай будет так, что мы с тобою не виделись и никогда не встречались. Через час у рабочих окончится дневная смена, и в это время я незаметно опущу тебя вниз.

— Ты кто такой?

— По-вашему — бомж.

— А как тебя величать?

— Я — Фима Гудкович. Ефим Захарович — бывший прапор-парашютист. Меня нагнали из армии с распадом страны.

— Где же ты оставил свои военные документы?

— Тебе не надо про это знать.

— Тогда молчу... Но верёвка-то — наша. Ты, Ефим Захарьевич, её спёр.

— Вы, я думаю, получили другую, новую.

— Это так.

Гудкович прижился на комбинате, как в теле у человека приживается клещ. Бродяга носил суконный костюм и внешне не отличался от настоящих работяг. Чтобы питаться в столовых, в те самые подлые времена мы вместо денег получали бумажные талоны различного номинала. Их частично выдавали под роспись вместо зарплаты. Каждое первое число использованные в столовых бумажки собирали в мешки и сжигали в нагревательном колодце, где металлурги готовили блюмы к прокатному производству. Однажды утилизаторы ушли из цеха, не ожидая подвоха, чуть раньше, чем бумажки сгорели до конца. Гудкович бросился в пламя и спас уцелевшие «деньги». Более месяца он кушал три раза в день. Но вот напечатали новые чеки. От прежних они отличались цветом. Пришла нужда.

— Сегодня я собираю в столовых объедки да хлебушек, — признался Ефим.

Среди рабочих тоже были такие жалкие люди. Им помогали, кормили едва ли не с рук по-христиански, но чаще смотрели безбожно — выше них или сквозь...

Рассказ 4. АВАРИЯ

На домне случился взрыв. Полцепа накрыло кипящим шлаком. До крыши бесновался огонь, гудело пламя, клубился едкий тяжёлый дым. В этой нелепой аварии погибли два человека — горновой и крановщица. Ещё трое рабочих были обожжены. Они выживали в реанимации — горячие, липкие, страшные, с внедрёнными в тело трубками. Вся могучая сила медицинской науки окружила несчастных: питательные растворы, кислородные маски, искусственная кровь, опека и суета наилучших докторов.

В эти минуты четыре сменные бригады огнеупорщиков из нашего цеха боролись с пожаром и разгребали последствия разрушений. На самый дальний спокойный участок, к нам, бытующим на морозе, самолично заявился самый главный инженер и приказал:

— Довольно прохлаждаться на высоте, есть новая работёнка. Сейчас идите домой... Ближе к ночи остановится сталеплавильная печь. Почти все мои надёжные люди сегодня — на домне, везде не хватает рук.

Нам предложили принять участие в ремонте важного объекта. Мартены выплавляли главную сталь. Однако сменные работяги выходили на пенсию в пятьдесят, а мы не имели такую льготу и всегда возражали против любой горячей точки.

— Поувольняли, — брякнул Пётр Иванович. — И худших, и лучших, и просто пьяниц.

Мастер держался посередине между нами и конторой. Он был излишне миролюбив, опасался протестов. Но я на этот раз промолчал. Другие ребята тоже виновато сверлили глазами землю.

— Вы, — информировал мастер, — пойдёте в насадку вместо третьей бригады —

ночью. Так решило наше начальство. Если не будет своевременной стали, то не будет и денег для порядочной жизни.

— Этих самых бумажек, что ли, нигде не годных, кроме как в нашей столовке? — не выдержал я.

— Хотя бы и так. Не бузи.

Тридцать две тысячи человек не знали честных и своевременных зарплат. Оптимизаторы производства хотели оставить на комбинате всего десять тысяч работников и планомерно давили на всех неугодных, капризных и незащитных — не вписавшихся в рынок. Но в этот тяжёлый день объявили вакации. Ночью в каждой бригаде появились новички. Текущий ремонт мартена необходимо было выполнить за неделю. В той части цеха, где проходила наша работа, висели сосульки — от грязи мутные, страшные. Они обволакивали фахверковые колонны, душили и гнули многочисленные рыхлые трубы, откуда постоянно сочилась вода.

Не хватало яркого света. Мигали тусклые лампочки. Гирлянды были подвешены за конструкции, высоко, и казалось, что это — звёзды в небе, далёкие от нашего мира. Если проводка качалась, то, как зарницы, искрились проволочные скрутки.

Мы вскрыли насадку. Её колодцы были неприступные, пропечённые — вишнёво-го цвета. Через каналы, где ещё недавно гулял огнище, тянуло горячим ветром. Витала чёрная пыль. Она обжигала лицо, оседала за воротник суконного костюма, жалила оголённую шею — впекалась в кожу. Когда насадку охлаждали водой из шланга, как в бане клубился горячий пар. Старые оплавившиеся камни мы валяли ломом, разбивали кувалдами, грузили на транспортную ленту и отправляли в думпкары — как мусор. Потом опять поливали вишнёвые кирпичи. И снова была «парная». У ботинок подгорали подошвы, пахло резиной. Наши войлочные костюмы тончали и покрывались жжёными пятнами. Мы потели, пили горячий чай, минеральную воду.

Во время ночного обеда наши новые товарищи покинули мартены. Едва полученные суконные куртки, каски, толстые рукавицы наши аккуратно сложенными у вещевого склада — утром. Эти люди расплавились, всего на минуту прикоснувшись к огню.

Бездомный старик и бродяга Гудкович тоже загнулся. Последние истёртые зубы у него стучали от холода. Глядя под ноги, он упирался головою в стену медпункта и дождался, когда закончится пересмена у дежурных врачей и медсестёр. В эту минуту я возвращался в душевую после прожитой смены.

— Здорово, Фима.

Едва шевеля губами, он отозвался и поведал мне о своей болезни, о проблемах, связанных с нею.

— Когда я первый раз пришёл за таблетками, они спросили мою фамилию и цех. Я соврал. Врачиха подняла какие-то учётные бумаги по профосмотру и не нашла моё имя. Мне дали аспирин, одну таблетку, сделали какой-то неважный укол и написали направление в поликлинику... — (Я знал, что у Ефима нет никаких бумаг). — Вчера я обратился в медпункт повторно. Мне опять помогли. Но врачиха позвала кого-то из кадров, и этот мужик меня не признал. Он дошёл за мною следом почти до самой крыши. Потом из своей конуры я услышал топот уверенных ног. Меня искали всё те же самые охранники, которые охотились за тобой.

— Нашли?

— Как видишь. Мне, Сашка, тюрягу не пережить.

Я решил ему помочь, зашёл в медпункт, попросил антибиотики.

— Ух, ты, какой на руку скорый да деловой, — сказала врачиха.

— Я дам четыре талона, больше сегодня нет.

— Значит, даже взятка? Тебя подослал вон тот человечек?

В окошко она увидела Ефима.

— Он болен, — ответил я, — и вы должны ему помочь.

— А ты его знаешь?

— Конечно. Это — Ефим. Он из нашей бригады.

— А мне он сказал, что Николай.

— Вы, наверное, подзабыли.

— Тебя-то я, Саша, знаю неплохо... Вот приедет сюда милиция, то вы ответите на пару с Ефимом.

— За что ответим?

— Вы оба врётё. Тебя уволят, его посадят.

— Таблетки-то дайте, он же трясётся, как заяц, чавкает, словно жаба.

— Зови.

В спасательной школе мы обучались делать уколы. Бывший врач скорой помощи наш Андруша с кем-то договорился и намеренно привёз в контору целый чемодан всяких медикаментов.

— Нам бы ещё больного, — задумался он. — Я бы рассказал и показал, что и как надобно делать в критические минуты. А пока колите друг другу в вены физиологический раствор. Он безвреден.

От этой напасти я отказался, но сегодня, встретив Гудковича и внимая угрозам медицинского персонала нашего цеха, вызвал по телефону свою спасательную службу, где обучался доброте. Трубку взяла Ирина Сущенко.

— Как хорошо, что ты на месте... Ирина, мне нужна машина с врачами.

— Есть такая машина. Куда подъехать?

— К цеху ремонта металлургических печей.

Федеральные службы не отъезжали от домны. Пожарники тушили огонь, врачи лечили ожоги. Люди, разгребавшие остывающий мусор, падали от усталости. Неотложки приезжали из города и отъезжали обратно в город попеременно, не проверяясь на проходной. Ирину впустили в режимное пространство под честное слово, едва она сообщила о том, что работает врачом в спасательной службе. Мы отвезли Гудковича в нашу обитель и положили его на раскладушку в том же самом проходе, где недавно стояла вода. Ещё лежали мокрые тряпки, гнили полы, плакаты и книги по гражданской обороне, забытые исполнительной властью нашего города. Пахло тленом прогнившего дерева.

— Саня, иди домой и отсыпайся, — разрешил Андрей Николаевич.

— Ты же обещал меня научить делать какие-то уколы. Я привёз пациента.

— Это — хирургическое вмешательство, ты не имеешь права.

— Но другие кололись?

— Безобидно... Кололись. Было.

— Значит, дискриминация. Вы недавно ходили в морг. Я знаю, резали трупы, а я ремонтировал мартен.

— Саня, это по благу держали скальпель. На теплотрассе умер один никому не нужный бомжара.

— Фима тоже — бомжара. Он жил в заброшенном помещении.

— Но Фима — ещё живой.

— Ты будешь опять на меня публично ругаться, Андрей Николаевич, что я не знаю, как устроен человек изнутри.

Супруг у Ирины Сущенко когда-то командовал в морге. Звали его Иваном. Мужчина изрядно выпивал. Однажды его поймали с поличным. В мертвецкой стояла початая бутылка. Ивану дали по шапке, и после этого он устроился в спасательную службу — как врач. Сегодня, слушая нашу пустую свару, Иван осматривал Ефима и думал, как его лечить.

— Был случай в морге, — поведал он. — К нам привезли синего человека. Не из колодца, не с теплотрассы, но тоже вроде Ефима почти бомжара. Бухарик выпал из окошка женского общежития с четвёртого этажа и попал прямо в сугроб. Наши врачи, менты, его подруги подумали, что ему каюк, вздыхали досадно. Стоял морозище минус сорок. В морге горе-любовника раздели, в кармане у него обнаружили паспорт, заточковали в покойницкой книге и положили в подвал до похорон. А тот возьми да очнись. Понять ничего не может. День ли на улице, ночь ли, куда он попал? В проходе мерцает синий дежурный свет. Рядом лежат настоящие трупы, покрытые простынями. Ни храпа, ни тапочек, ни окошек. В помещении — холодрыга, словно на улице. «Эй, — толкает соседа в бок, — это какая наркология?» Тот, понатно, молчит. «Что вы тут все такие грустные? Обколоты, что ли?» — спрашивает бухарик. Была у нас одна боевая дежурная санитарка, одинокая женщина. Ни трупного запаха, ни мертвяков, ни скорбящей их родни — ничего не боялась. Даже денег на лапу не принимала, ей бы сникерсы да водочки и — сразу всё. Так и прозвали — Верка-сникерс. И вот из мертвецкой выходит наш голый синяк, наружу все его достоинства, тоже синие, как и сам, и говорит стихами: «Сестрица, мне бы напиться — сушит безбожно. Где же водица?» Она — с копыт и не дышит. Но парниша не растерялся, спас подружку. Вызвал скорую помощь и принял на душу двести грамм.

— А что потом? — спросил Ефим.

— Потом? — задумался доктор. — Потом они поженились и жили долго и счастливо... И умерли в один и тот же день, отравившись палёной водкой.

Рассказ 5. ЭКЗАМЕН

Назавтра Ефиму нашли матрац, достали постельное белье и подушку. Отмыли в тёплой ванне, переодели в чистые тряпки. Накормили. Его раскладушку поставили около батареи отопления в классе, где проходили наши занятия по одушевлению попавших в беду людей. Больного укрыли занавеской, похожей на одеяло. Поверх неё Гудкович накинул свою суконную куртку и, как наглядное пособие, отныне присутствовал на ка-

ждом уроке нашей спасательной шарашки. Рядом с его постелью, как древко от знамени, стояла стойка для инфузорных влияний. Мы кололи в Ефима магнезию, физиологический раствор, вертели его тяжёлое тело для массажей, поили отварами душистых трав, желая ему скорого исцеления и поправки. После наших инъекций бездомный бродяга засыпал и храпел, мешая вести уроки учителям. Фиму толкали, топали на него ногами, кричали полуцензурно — неэффективно. Дрых Гудкович.

Спасательные работы немислимы без технических видов спорта. Учащиеся вязали верёвочные узлы, готовились к восхождениям на многоэтажки. Андрюша рассказывал байки.

— Опасно двигаться по стенам.

Мне тоже хотелось поговорить.

— Конечно.

Да не давали, я не успевал вставить лишнее слово.

— Был случай, — торопился Андрей. — Одна пожилая женщина попросила отворить захлопнутую дверь. Форточка была приоткрыта. Мы накинули на стену дома верёвки. По ним я спустился с крыши до четвёртого этажа и распахнул оконные створы. Вижу — напротив меня стоит косматый забулдыга, в руках у него — ружьё. Я тут же на соседний балкон, как кошка, прыг, а комнатный страшила как бахнет крупной дробью. Одну верёвку срезало напрочь. Стрелок выглядывает на улицу и вставляет в заломленный ствол новый патрон. Его жена барабанит в дверь, орёт, называет его пьянчужой, люди внизу на улице машут руками. Я на балконе схватил какое-то корыто, поднял его, как рыцарь щит, жду, перепуганный, расстрела. Да, слава богу, пронесло, очухался пьяный. Услышал свою любимую супругу и послушался её. Я остался живой.

— Это — человеческий фактор, Андрей Николаевич.

— Так человеческий фактор, Саня, в нашей жизни и есть самая страшная непредвиденная опасность, все остальные вопросы решает охрана труда. Как-то в подобном деле мы спасали даже любовника. Спустили его на верёвке вниз то ли в чилигу, то ли в крапиву. Завыл казанова от боли, как серый волк, и попался в лапы рассерженного мужа.

— Это — мерзкое дело.

— Чилига или крапива?

— Ворованное счастье.

Через день Андрей Николаевич заявил, что мы должны иметь разряды по парашютному спорту.

— В пятницу, это послезавтра, я достану керосин. С пилотами всё улажу. Мы с вами поднимемся в небо и за пару выходных отпрыгаем на первый спортивный разряд. В Оренбурге требуют корочки по этому виду спорта.

Гудкович проснулся и приподнялся на раскладушке.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросил Андрей.

— Я подготовил много парашютистов.

— И что из этого?

— Ты, Андрей Николаевич, знаешь, где и сколько надо сделать прыжков на первый спортивный разряд? — тихо спросила Эльвира.

— Не знаю... Сколько?

— Двадцать пять.

— Это не так уж много. А где?

— В официальных соревнованиях. Кто же за выходные столько раз поднимет в небо твой единственный самолёт?

— А ты-то откуда про это знаешь?

— Я — мастер спорта.

Услышав это признание от женщины, Гудкович захолопал в ладоши. Мы заорали от восторга, не соблюдая субординации, приличий. Эльвира важно добавила:

— Андрей Николаевич, а у тебя парашюты есть?

— Там же, в спортивном клубе, пообещали за керосин.

— Это не те парашюты, чтобы прыгать на разряд. С этими парашютами даже с вышки сигать опасно — штопаные и перештопаные.

— Да ну?

— Я в этом клубе работала пилотом.

— Ай да Эльвира, — рассмеялся Гудкович.

Мы тоже захохотали.

— Сестра ты моя родная! — орал Ефим.

«Подлое государство, если лучшие люди, чтобы выжить, стирают бельё и ночуют на крышах», — подумал я в ту минуту, считая себя таким же великим и обделённым судьбой, как они. Но в жизни я был ничтожнее, мельче, грешен.

— На спортивный разряд, Андрей Николаевич, нужно освоить четыре разных вида

парашюта. Тебе их никто не даст. Я тоже.

Она хранила свои парашюты в память об этом виде спорта, зная, что никогда уже не поднимется в небо.

— Эльвира, — робко спросил Андрей, — а сколько ты сделала прыжков?

— Двести с лишним, — ответила она. — Однажды из стратосферы. Потом я родила Машеньку и бросила парашюты.

— Я — три, — признался Андрей. — Всего три раза, всего три прыжка. И те я сделал с вышки. Это совсем ничего.

— Зато ты спас от смерти много больных, — успокоила женщина. — Это очень большое и геройское дело.

На экзамене мы провалились. Другие спасательные отряды из области тоже не блеснули науками и уехали несолоно хлебавши в конторы, где выживали, сопротивляясь оптимизациям государства. Многие школяры-спасатели из нашей группы навсегда поставили крест на этой безумной затее. Только упёртые готовились к пересдаче. Без просыпа две недели мы повторяли вопросы пожарной охраны, листали медицинские книги, говорили про асептику-антисептику, перебирали дыхательные приборы, вязали страховочные системы для работы в горах и настраивали полиспады. Ближе к Новому году воротились в Оренбург для пересдачи с надеждой на аттестацию.

Эльвира стояла вместе с Машенькой не для того, чтобы вызвать какую-то симпатию или жалость у людей, вершивших в коридорах государственной власти. Её девчонка не захотела оставаться дома одна. Путешествие в новый столичный предпраздничный мир было заманчивым, интересным для ребёнка. Серёга — старый тюремный врач, как медик немало знал, но, словно чётки, волнуясь, вертел в руках два связанных вместе капроновых шнура, перебирая верёвочные узлы. Я приехал нараспашку, в дороге лопнула молния у куртки. На толстовке висели очки с отломанной дужкой. Андрей Николаевич держал в руках толстенную тяжёлую папку. В ней хранились все наши досье и другие бумаги. Наш высокий учитель, казалось, приуменьшился в росте, ослаб и не был похож на вожака.

Столы, кабинеты, коридоры — это пространство, отделяющее великую властность от подвластной мелюзги. Ежедневно живущие в нём начальники смотрели на нас терпимо как на что-то, ещё не затравленное до смерти. Мы являлись послушными и полезными микробами в стране, где они выдумывали законы о счастье. В аудиторию проходили небудничные люди. Возможно, что это были специалисты каких-то хороших-добрых дел. Мужчины учтиво растворяли двери перед своими нарядными подружками, острили, щипали их ниже пояса сзади и косо разглядывали нас — нелепых в этом шикарном мире, желавших их оценок. Подошёл полковник из пожарной охраны. На голове у него была большая папаха. Он казался высоким, важным. Это и был самый главный экзаменатор.

— Привёз, Степанов, свои дела? Исправил в них ошибки? Почему опоздали? — зычно спросил он у Андрея.

— Так электричка, Юрий Иванович, приходит после обеда.

— Могли бы приехать и на такси.

— Да где же деньги, товарищ полковник?

— Вы, поди, на сегодня готовы к ответам так же плохо, как в прошлой раз?

— Намного лучше, Юрий Иванович.

Вояка задыхался от лишнего веса.

— Молчи, Степанов, я тебе нисколько не верю. Орские, гайские, другие спасатели уже купили аттестаты — проставились. Давай сюда свои бумагеи и посылай вот этого недомытого гонца в магазин за водкой.

Полковник поглядел на меня. Потёртые брюки, калоши, лыжная шапочка, стоившая копейки в базарный день, выдавали моё ничтожество. Я оказался в фокусе глаз у человека, решающего нашу судьбу. Серёга-врач, Эльвира и даже Машенька, ещё не понимавшая этого, виновато смотрели себе под ноги, ожидая, что ответит Андрей Николаевич на эту просьбу. Двумя руками наш учитель поднял тяжёлую папку с бумагами и ударил ею пожарника по макитре.

— Пошли отсюда, — сказал Андрей своё последнее слово.

Рассказ 6. МОЙ НЕБЕСНЫЙ БРАТ

«Мое завещание — кольцо, часы и шапка.

То, чем я владел, после моей смерти направьте в хорошую сторону».

Из книги Саида-афанди аль-Чиркави «Сокровищница благодатных»

Выплавляли чугун, варили сталь, катали железо. Под Новый год на участок пришли обитатели нашей металлургической конторы и сообщили, что половину цеха отпра-

ляют в отпуска без содержания на производстве. Нам предложили каждому написать заявление об уходе на праздники.

— Вы хорошо отдохнёте, — обнадёжили управленцы.

— А если я не хочу без содержания? — возмутился Дмитриенко. — По трудовому договору вы мне обязаны предоставить все рабочие дни.

— Тебе же делают лучше, — деловито удивился главный инженер. — Дома ты наберёшься новых сил и побудешь вместе с детьми.

— У меня — ипотека, а вы на сегодня отнимаете половину месячной зарплаты. Ищите мне занятие по договору.

Вся бригада молчала, сердито глядя на человека, рубящего правду. Я один поддержал Дмитриенко, и главный инженер взбесился не на шутку.

— Я вам подам такую работу, что вы загнётесь ещё до Рождества.

Трещали морозы, лопались водопроводные трубы. Свистело, фонтанило, парило в чёрной металлургии. В три обхвата сосульки на холоде крушили бетон. В помещениях, где было потеплее, стояли вонючие лужи. Вода сифонила в душевых, в конторах, в бытовках — в местах, где мы никогда не грелись ни ранее, ни потом. Нужно было с нею бороться, да не хватало рабочих рук. Аварийные отверстия мы зажимали хомутами. Словно большая паутина, трубы простирались по всему комбинату и сверху, и снизу, и вдоль, и поперёк. Стреляя под рукава комбинезона и прокатываясь под мышки, кипятик обваривал руки. Хотелось отбросить всё на свете и хвататься не за жимки, а за ожоги на теле — разминать ошпаренные нервы. Да оторваться для этого от аварийности было сложно, в руках дрожали болты да гайки. И не было рядом никаких инструкций по безопасности, и не было подручных аптечек. Едва одно отверстие в отоплении заделывалось, поодаль появлялась новая дырка, а то и две. Циркулирующая вода искала выход через рыхлые стенки горячих труб. Топило, парило, мочило, плыло.

— Ты, говоришь, недоучился? — ухмыльнулся Дмитриенко в процессе подкручивания гайки. — Не высыпался ночами, занимался зубрёжкой, грыз свою спасательную науку до икоты да остался с носом.

— Я буду об этом вспоминать как о чём-то хорошем.

— И быдлаться со мною вместе, не выделяясь из коллектива.

— Ну, скажем, что там работа тоже не из лёгких.

— Да, это так, — согласился товарищ. — Я с тобою согласен. Вчера перед моим уходом в ночь по телеку показали твою спасательную конторку. Она отправилась на поиски школьников. В степи пропали три пацана. С утра эти ребяташки поехали кататься на лыжах в сторону Казахстана на реку Урал, да не вернулись. Два десятка мужиков, это ваши спасатели, ввязавшись верёвками в единую цепь и освещая фонариками буран, фронтом отправились туда же, выкрикивая пропавших по именам. Среди них были и женщины. Даже одна соплячка мне по пояс. Шапка на ней с помпончиками, как уши у медведя. Курточка вроде с электроподогревом, — съехидничал Дмитриенко.

— Также рвётся на телевизор.

— Это — Машенька. Нет у неё никакой одежды с электроподогревом.

— А что же тогда её толкает и гонит в холодное поле?

— Горячее сердце.

— Ты, Сашка, поэт. Тебе бы в журналюги... Кстати, с ними на поиски отправился тот самый вонючий бомжара, который ошивался в нашей столовке и жрал объедки за честными людьми.

Я представил Ефима на охотничьих лыжах в беспросветном буране и улыбнулся.

— Нашёл своё дело.

— Его за такую работу завтра прославят, а ты ищачишь в наказание за правду.

— Я бы мог не выходить, я не сантехник. Это только ради тебя. Твою ипотеку тало-нами не заплатишь.

— Я, Сашка, тебя за собою не звал, ты про это мне не ври, — рассердился мой напарник.

— А как бы ты, брошенный всеми, сегодня боролся с горячей водой? Ты же мне друган по злобе на государство, вот я и остался.

— Ох, как ты любишь выставлять своё благородство, а у тебя его — ни на грош.

Ближе к утру мы работали на морозе вне бытовок и теплушек, жимковали трубы, которые было нельзя перекрыть ни на минуту. В процессе этой возни Дмитриенко, не унимаясь, всё язвил по поводу моей неудачной учёбы по вечерам. Я неосторожно рассказал ему, как пузатый полковник из пожарной службы выпрашивал водку за аттестаты.

— А вы его за это по шапке? — расхохотался Дмитриенко.

— Полковника, что ли?

— А кого же? И не купили аттестаты.

— До самых плеч сползла его папаха.

— Был у нас один работяга — трижды судимый, видел на этом свете настоящую жизнь и гордился великим прошлым. Однажды мы всей бригадой разгружали думпкар. Тысячи кирпичей передавали друг другу в руки, качаясь, — гнули, ломали спины. Вагоны надо было освободить за два или три часа — не успевали. Этот деляга решил покурить, отрываясь от коллектива. Ему объяснили, что этого делать не можно.

— Ты это к чему, Владимир Петрович?

— А к тому я это, Саня... К нашему сидельцу подошёл бригадир и попросил вернуться к разгрузке. А тот ему нагло ответил, что в зоне, где он сидел, так не работали даже последние «петухи». Наш Серёга Иваныч, как твой Андрюха, поднял самый тяжёлый кирпич и ударил гадёныша по каске. Этому трепачу подрезало уши. Крови — полные рукавицы: мат, перемат, угрозы смертью... Уши было попытались пришить обратно наши врачихи да не пришили, так и ходит безухий в космах.

— Жалко, что наш полковник был не в каске.

— А ты бы пошёл за водкой ради успешной сдачи? Только честно.

— Я бы? Пошёл бы, наверное, повесив гриву.

— Твой учитель про это знал... Он испугался тебя увидеть униженным и жалким, недоученным самому главному — правде с неба.

После окончания смены в душевой я крушил на одежде лёд. И куртка, и брюки стали твёрдыми, словно камень.

— Ты уже слышал? — спросил у меня, прощаясь, Дмитриенко. — В дежурке есть маленькое радио, нашли детишек.

Он раньше меня помыслы, переоделся, развесил в сушилке свою одежду и уже покидал душевую. И не язвил.

— Не слышал. Как это было?

— Все трое они схоронились в маленькой садовой будчонке. В ней стояла буржуйка. Твой Ефим увидел искры, летевшие в ночь.

Назавтра все газеты написали об этом, расхваливая Ефима, Машеньку, мамку её Эльвиру и всю нашу спасательную службу, а между тем «Сова» доживала последние деньки. Весною я очутился около Дома быта и увидел своих товарищей по учёбе. Они ожидали фургон для переезда на окраину города в далёкий, неудобный Андрюшин гараж.

— Ты куда запропастился? — спросила Эльвира.

— Так я же не аттестован.

— Это не так. Я видела все твои документы. Через неделю их привезли из Оренбурга. Только они уже никому не нужны.

— Почему?

— Дом быта закрывают на капитальный ремонт. Это здание выкупила горно-обогатительная компания «Аккерман». Кроме этого, у Андрея окончилось право на льготное налогообложение. Он занимается перерегистрацией своего предприятия на водолазную компанию «Выдра» и будет дальше работать без всяких льгот. Есть много подрядов на карты дна. Другие спасательные шарашки из нашей области переходят под единое федеральное руководство.

Наивные мы, как пони, мечтали кого-нибудь спасти, да не из гордости, а просто так, по-христиански, для внутренней радости, и учились для этого. Но оказалось, что бесплатная наша учёба была всего лишь эквивалентом за льготы юридическому лицу в уплате налогов. Той мишурой, которая как будто — добро, а на деле уловка для выживания в государстве, где не было наличных денег, где продажность — превыше всего.

— Фима умер, — сообщила Эльвира. — Мы не стали тебя искать.

— Когда я буду на кладбище после Пасхи в родительский день, то обязательно найду могилу этого человека.

— Я её покажу... Дело в том, что перед смертью он огласил завещание.

— Фима?.. А было, что завещать?

— Ты, Саша, всегда обижался, что не был в морге. Помнишь, мы ходили на вскрытие бомжа, а ты в это время работал на мартене?

— Так я смеялся, я шутил по этому поводу.

— Мы это знали и схоронили нашего Фиму без тебя.

— А что же он завещал?

— Он завещал своё тело для изучения анатомии. И завещал он его тебе одному как нашему лучшему Леонардо да Винчи. Так и сказал, прощаясь, наш Фима. Мой небесный брат.